

Маленький городок был полон людей, пускающих фонарики по реке. Берег утопал в огнях, отражавшихся в прибрежных ивах, и алое сияние заливало добрую половину водной глади. Чжао Цзинье купил несколько фонариков и, присев на корточки у воды, принялся отпускать их один за другим. Вода была ледяной, словно кончики пальцев человека, которые, казалось, невозможно согреть даже за долгие годы. Он поднял голову и посмотрел на того, кто стоял рядом. Этот гордый и дерзкий человек, чьи глаза всегда смотрели на мир свысока, сейчас глядел на него с нежностью, а улыбка его, яркая, как россыпь звезд в ночном небе, заставляла сердце биться чаще.

— Чанси, тебе нравится? — спросил он.

Это было в точности как в тот год, когда он выпустил в небо над горой тысячи светлячков и спросил: Тебе нравится?

Тогда он не получил ответа и украдкой поцеловал его. Теперь же, сжимая его пальцы в своей ладони, он осмелился лишь на легкий поцелуй в тыльную сторону руки. Он знал, что вся та забота, которую он получает от Чанси, — не более чем притворство.

Чу Чанси молча стоял в стороне, одинокая фигура на фоне бесконечной реки. Ветер приподнимал его легкие одежды, приоткрывая лицо, по-прежнему холодное, как лунный свет на снегу. Он вытянул руку из ладони Чжао Цзинье.

— Какое желание ты загадал?

— Пожелал Чанси благополучия и мира.

Улыбка Чжао Цзинье была подобна солнечному свету, не знавшему невзгод. Он прожил жизнь в роскоши и почете, в отличие от главного героя, чья судьба была полна лишений и испытаний. Герой, казалось, искренне пытался подражать тому, как улыбался его третий брат, но у него это никогда не выходило по-настоящему.

Чу Чанси стоял в лунном свете, его глаза мерцали холодным блеском.

— Загадай еще раз. Это не считается.

Но ведь его самое сокровенное желание — чтобы Чанси был в порядке.

Чжао Цзинье не знал, что ответить. Он все еще сидел на корточках у реки, глядя на пальцы Чанси, опущенные вдоль тела — по-прежнему чистые и красивые, но с того момента, как он пронзил Чжао Цзинью, он больше не брал в руки меч. Легкий туман над водой оседал на его ресницах, словно иней, и даже в теплом красном свете фонарей он больше не был тем юным господином, который в тот памятный день протягивал ему руки навстречу заре.

Он не хотел, чтобы все было так.

Сердце Чжао Цзинъюэ пронзила небывалая боль и чувство поражения.

— Я помню... мы загадывали вместе, — внезапно проговорил Чу Чанси. — Ты тогда сказал, что если пускаешь сотни фонариков, нужно загадывать только одно желание. Если желаний много, искренность рассеивается, и оно может не сбыться.

Сердце Чжао Цзинъюэ похолодело.

Чанси говорил не о нем.

Он никогда не пускал фонарики вместе с Чанси. Если кто и загадывал с ним желания у реки, так это Чжао Цзинъюэ.

Оказалось, что даже с помутившимся рассудком, даже под властью магического насекомого, в памяти Чанси остался лишь Чжао Цзинъюэ. Лишь он один всегда занимал его мысли. За что же тогда он боролся?

А скрывавшийся в тени Чжао Цзинъюэ, ставший свидетелем этой сцены, почувствовал, как сердце опалило жаром, а глаза защипало. Он коснулся нефритовой подвески на поясе, невольно вспоминая то, что случилось тогда.

— Куда мы идем?

Шел густой снег, стоял лютый мороз. Юноша в белых одеждах не понимал, зачем нужно было выбираться наружу в такую погоду.

— Скоро придем.

Подросток одной рукой держал его за ладонь, а другой прижимал к себе фонарик. Они пробирались через сугробы по колено к реке, что текла за пределами дворцовых стен. Там, пустив фонарик по воде, он мог уплыть за пределы дворца, далеко-далеко, к самому горизонту, к обители богов.

Зимой здесь едва уловимо пахло цветущей сливой. Чу Чанси увидел, что река покрылась льдом и спустить фонарик негде. Его лицо дрогнуло.

— Ты пробирался сквозь метель несколько дней, чтобы прийти сюда и пустить фонарик?

— Именно так, — Чжао Цзинъюэ стряхнул с его рук легкий снег и накинул на него свой плащ.

— Каждый день по одному.

Чу Чанси спросил:

— Река замерзла, как же ты егопустишь?

— Можно. Чанси, отойди немного подальше.

Сказав это, юноша подобрал с берега камень и начал долбить лед. Пробив полынью, он с благоговением опустил фонарик в воду, и тот поплыл под толщей льда.

— Чанси, смотри.

Юноша обернулся и с гордой улыбкой посмотрел на того, кто стоял позади. Он был весь покрыт снегом, как снеговик, и только руки да лицо покраснели от холода.

Чу Чанси стоял поодаль под зонтом.

— Сколько же у тебя желаний? Почему ты загадываешь их каждый день?

Юноша улыбнулся, сложил ладони вместе и, прошептав что-то над водой, ответил:

— Немного. Всего одно. Если желаний много, искренность рассеивается, и боюсь, оно не сбудется.

Каждый день он загадывал одно и то же.

В то время Чжао Цзинъюй тоже желал лишь того, что касалось Чанси. Теперь, видя, как Чанси принимает Чжао Цзинъе за него и говорит, что тот не может загадывать желания, Чжао Цзинъюй все понял.

Наверное, тогда Чанси тоже хотел, чтобы он пожелал благополучия всем людям в Поднебесной?

Чжао Цзинъе погрузился в раздумья. Как только он поднялся на ноги, он увидел, что окружен стражниками, а из-за спины Чу Чанси медленно вышел мужчина в лазоревых одеждах. Его взгляд, полный нежности, был устремлен на Чу Чанси, но стоило ему перевести глаза на Чжао Цзинъе, как в них закипела ярость.

Но что-то изменилось. Раньше, когда Чжао Цзиньюй смотрел на него, в его глазах всегда сквозила ненависть, желание убить, но при этом — опаска и ревность. Да, именно ревность: он завидовал тому, что Чанси любит его, и поэтому не решался причинить ему настоящий вред.

Теперь же и того, и другого не было.

Значит, он уже знает о магическом насекомом. Чжао Цзинье понял это с первого взгляда.

Чу Чанси тоже мгновенно почувствовал присутствие постороннего. Он выхватил длинный меч из рук стоявшего рядом Вэй Ци, заслонил собой Чжао Цзинье и указал острием на вошедшего.

— Уходи.

Чжао Цзиньюй замер. Опять?

На этот раз на его лице читалась лишь беспомощность, а в глазах светилась мягкость. В свете фонарей он улыбнулся — чисто и открыто, без тени прежней приниженности, уверенно, словно упавшая звезда.

— Я пришел забрать человека. Можно без драк?

— За кем ты пришел? — холодно спросил Чу Чанси. В его глазах, похожих на ледники и талые воды, не осталось ни капли человеческих чувств.

Это было точь-в-точь как в тот день, когда он пронзил его мечом. Чжао Цзиньюй должен был догадаться раньше. Он почувствовал досаду на самого себя, но, кроме жалости и нежности, ничего больше не мог испытывать.

Он привычно улыбнулся Чу Чанси:

— Пришел за своим супругом.

Чу Чанси замер.

Система отозвалась: ...

— Чепуха! — воскликнул он и бросился в атаку.

Клинок рассек воздух, Чжао Цзиньюй уклонился, но атаки следовали одна за другой. Делать было нечего — он вытащил свой меч и отразил удар.

— Чанси, ты ведь не собираешься убить супруга во второй раз? Чанси, я не хочу с тобой драться. Чу Чанси!

Из-за яда насекомого внутренняя сила Чу Чанси иссякла, и, несмотря на все усилия, он проигрывал главному герою. В конце концов его меч был выбит, а сам он прижат к красному деревянному столбу беседки на берегу.

— Пока я жив, ты не смеешь причинить ему вред.

— Я не причиню ему вреда, — сердце Чжао Цзинъюя бешено колотилось. Он склонился к его губам, быстро поцеловал их и, встретив холодный взгляд, рассмеялся. — Знаешь ли ты, что не только убил супруга, но и бросил его с ребенком? Ах да, детей пока нет.

Система: ..., я на время отключусь.

— Если потом захочешь детей, мы можем усыновить кого-нибудь из императорского рода, хорошо?

Чу Чанси молчал.

Вдали Вэй Ци опустил глаза, его напряженное лицо постепенно расслабилось.

Чжао Цзинъюе не выдержал. Он подошел и с ненавистью воскликнул:

— Отпусти Чанси! Разбирайся со мной!

Лицо Чжао Цзинъюя на миг стало холодным. Заметив, что Чанси начал сопротивляться — возможно, из-за того, что насекомое внутри него отреагировало на близость — он поспешно достал из-за пазухи пилюлю, зажал ее зубами и передал Чу Чанси через поцелуй.

Пилюля растаяла во рту, и через мгновение веки Чу Чанси отяжелели, он безвольно обмяк на руках у Чжао Цзинъюя.

— Что ты ему дал? — Чжао Цзинъюе бросился вперед, пытаясь оттолкнуть его, но прежде чем он успел коснуться Чанси, Чжао Цзинъюй ударил его ногой.

За два года заточения Чжао Цзинъюе лишился своей внутренней силы, и от этого удара он рухнул на землю, не в силах подняться.

Чжао Цзинъюй подхватил Чанси на руки. Е Фэн, стоявший поодаль, подал знак, и к берегу подъехала карета. Уложив Чанси внутрь, Чжао Цзинъюй нежно поцеловал его в лоб и отошел.

Как только он удалился, Чу Чанси открыл глаза.

— Осмелел, — произнес он.

Система: Это ты дал ему уверенность. Ты вел себя так, будто он тебе небезразличен.

Чу Чанси: ...

Сам себя перехитрил?

— Ничего, скоро я уйду.

Система, услышав это, испугалась: А что, если после твоего ухода сюжет снова рухнет? Сейчас он и так нестабилен.

Чу Чанси: Не бойся, все будет хорошо.

Услышав уверенный голос хозяина, система успокоилась и радостно стала транслировать картинку наружу.

Чжао Цзинъе лежал на земле, наблюдая, как фигура в лазоревых одеждах уносит белого как снег юношу. Теперь к нему медленно приближался человек.

— Что ты собираешься делать?

Только сейчас в его сердце прокрался страх. Раньше все уступки его брата были ради Чу Чанси. Ради него он был готов отдать трон. А теперь, когда он узнал, что Чжао Цзинъе подсадил Чанси насекомое, как он поступит? Он боялся даже представить.

Он смотрел на приближающиеся шаги. Лазоревые одежды в ночном сумраке казались окутанными черным туманом, словно злой дух, выбравшийся из преисподней за его душой.

Некогда всемогущий, избалованный сын любимой наложницы, привыкший смотреть на всех свысока, теперь дрожал, отползая назад.

— Чжао Цзинъюй, ты ведь знаешь, что я подсадил Чанси насекомое. Если со мной что-то случится, Чанси тоже пострадает. Ты подумал об этом?

Человек, окутанный черным туманом, молча стоял перед ним. Свет фонарей удлинял его тень, вокруг царил тишина. Он лишь презрительно скривил губы.

— Третий брат, в твоих устах никогда не бывает ни слова правды.

— О чем ты?

— О чем я? Разве ты не понимаешь? — Чжао Цзиньюй медленно присел на корточки. Увидев, что из уголка рта Чжао Цзинье течет кровь после его удара, он покачал головой. Он протянул руку, и Е Фэн, поняв его без слов, вложил в нее кинжал.

Раздался глухой звук, и лезвие вошло в живот лежащего. Кровь потекла по запястью на землю. Чжао Цзинье захлебнулся кровью и выплюнул ее.

Наконец-то стало ярко.

Лицо Чжао Цзиньюя было забрызгано кровью. Еще миг назад он улыбался, а теперь стал свирепым и кровожадным, как демон.

— Все еще не хочешь говорить правду?

— Что ты хочешь от меня услышать? Ты сошел с ума? Тебе наплевать на меня, но подумай хотя бы о Чанси! — Чжао Цзинье, корчась от боли, с недоверием смотрел на него.

Но человек перед ним больше не поддавался на его уловки. Он сухо произнес:

— От такой боли не умирают. Не бойся, я не убью тебя сейчас. Нужно дождаться, пока яд выведут из тела Чанси, а потом уже сводить счеты.

— Откуда ты знаешь, что этот яд можно вывести? — выпалил Чжао Цзинье и тут же замер, осознав, что проговорился. Он забыл о боли, охваченный изумлением.

Чжао Цзиньюй с облегчением рассмеялся:

— Я и сам не был уверен, пока Чжао Цзючэнь твердо не сказал мне, что насекомое стало зрелым и вывести его невозможно. Я опоздал. Я подумал, что если ты сам сказал ему это, возможно, ты просто хотел себя обезопасить, как и тогда, когда лгал мне. В этом должно быть хоть немного лжи.

Вот почему он разыграл такую ярость. И это сработало — страх выдал его. Если бы яд действительно нельзя было вывести, он бы не боялся: Чжао Цзиньюй никогда не посмел бы тронуть его, пока жизнь Чанси зависит от него.

Но он испугался.

Чжао Цзинъюй махнул рукой, и Е Фэн привел лекарей, которые давно ждали своего часа.

— На самом деле, я догадывался, — Чжао Цзинъюй взял платок и небрежно вытер кровь с рук.
— Этот яд давно утерян, и утверждения о его необратимости — пустой звук. Я не верю, что ты стал бы подсаживать его себе, если бы его нельзя было вывести.

Чжао Цзинъюй, прислонившись к столбу, долго молчал, а потом с облегчением улыбнулся:

— Ты победил. На самом деле, даже если бы ты не обманул меня, я сам собирался вывести яд из тела Чанси.

Это была истинная причина, по которой он проговорился.

Последствия этого яда были слишком велики. Чжао Цзинъюй искренне любил Чу Чанси, как он мог продолжать причинять ему вред?

<http://bllate.org/book/19901/1959233>